

был известен в это время в разных вариантах, один из которых был возрожден в языческом его осмыслении в евангельской сцене «Входа в Иерусалим» армянских миниатюр XI в. Память о языческих верованиях и разрушенных капищах, на месте которых возводились христианские храмы, была жива в Армении и в V в. Так, историк этого столетия Фавстос Бузанд пишет: Даниил «был рукоположен в сан хорепископа великим Григорием (Просветителем), когда тот разрушил алтари капища Геракла, т. е. Вахагна, в местности по названию Аптитат, где положил впервые основание святой церкви»<sup>49</sup>. Напомним, что там же до принятия христианства находился и храм Анаит. И далее: некий монах «жил на большой горе на месте богов (капищ), которые называют Атор Анахит — т. е. престол Анахиты»<sup>50</sup>. После смерти католикоса Хусика (при царе Тигране, 338—345) «народ, — пишет Фавстос, — сбился с пути... растрачивали свое время на занятия предосудительными искусствами, древними языческими обычаями. Они любили свои мифические песни, свои сказания, на них воспитывались, им верили и постоянно предавались им»<sup>51</sup>. Число подобных известий можно было бы увеличить. По-видимому, и на протяжении средневековья, несмотря на все разрушения, произведенные при насаждении христианства, эллинистическая традиция продолжала существовать, порою уже в переработанном виде; не исключено, что сохранялись и древние иллюстрированные рукописи, которые давали возможность на определенном этапе развития идеологии феодального общества сознательно возрождать запечатленные в них образы.

Такое предположение не кажется нам необоснованным, скорее оно подтверждает те выводы, которые вытекают из изучения армянского искусства X—XI вв. Особенно это относится к памятникам анийского круга. Напомним характерную для зодчества города Ани тех столетий тенденцию украшать здания прямоугольными порталами, круглой скульптурой (статуя царя Гагика I), вводить в архитектурное убранство эллинистические мотивы — аканфы, пальметки, меандр, овы. Едва ли можно сомневаться, что миниатюры знаменитого Эчмиадзинского евангелия (989 г.) были сделаны с хорошего образца V—VI вв.<sup>52</sup> Конечно, художественная жизнь того времени была сложной и многообразной и не определялась одной этой тенденцией, существование которой тем не менее неоспоримо. Мы акцентируем именно ее в связи с образом обнаженной богини, являющимся предметом нашего изучения.

Эта же тенденция в аспекте, несколько отличном от памятников Ани, существовала в X в. и в искусстве Васпураканского царства, на что указывают, например, восходящие к образцам восточного эллинизма миниатюры евангелия Млке, датируемого 902 г.

Напомним, что владения Арцрунидов в Малой Армении со столицей в Себастии были получены царем Сенекеримом взамен Васпураканского царства, которое он был вынужден отдать Византии. Несмотря на свое зависимое положение, Арцруниды продолжали именовать себя царями, хотя реально уже не являлись таковыми. Их владения были населены преимущественно армянами. Город Себастия в определенный период служил резиденцией католикоса Петроса I; его преемник, Хачик II, плененный византийским императором, был освобожден с помощью Арцруни-

<sup>49</sup> Фавстос Бузанд. История Армении. Перев. М. А. Геворкяна. Ереван, 1953, кн. 3, гл. XIV, стр. 31—32.

<sup>50</sup> Там же, кн. 5, гл. XXV, стр. 168.

<sup>51</sup> Там же, кн. 3, гл. XIII, стр. 29.

<sup>52</sup> C. Nordenfalk. Die Spätantiken Kanontafeln. Götheborg, 1938, Textband, S. 82, 88.